16. АВОСЬ.

Въ большомъ, хорошемъ селѣ, на Окѣ, было два дружныхъ парня, жившихъ дворъ–объ–дворъ, Кирила да Гаврила. Росли они съ малыхъ лѣтъ почти вмѣстѣ, и какъ вошли во всѣ года, на возрастъ, то стали назваными, крестовыми братьями, помѣнявшись тѣльными крестами. И съ виду подходили они подъ стать и масть одинъ другому, и вездѣ были и ходили вмѣстѣ, на посидѣлкахъ, въ хороводахъ, вездѣ, будто другъ безъ друга жить не могли: такъ ихъ и прозвали близнецами, и называли на селѣ не иначе, какъ близнецъ Кирила и близнецъ Гаврила.

Близнецы наши были ребята смирные, хорошіе; ума въ нихъ хоть и не палата, а простоваты оба, но худа никакого за ними никто не видалъ и притомъ были они парни рабочіе.

Вотъ и пришли праздники. Свѣтлое Христово Воскресеніе, и пошли близнецы пройтись по селу и посмотрѣть на качели, гдѣ народу сошлось много, и дѣвки

собрались со всего села. Долго–ли, коротко–ли они тутъ походили, посмѣялись да повеселились, какъ повстрѣчались съ мужичкомъ–гулякою, которой былъ въ долгу у отца близнеца Гаврилы и потому хотѣлъ задобрить и сына: привязался къ нимъ съ поклонами да просьбами, выпить для праздника по маленькой; и близнецы, хоть никогда прежде не пивали и долго отговаривались, рѣшились однако же, ради праздника, и пошли, а напотчивавшись, стали таки на веселѣ. Повеселѣвши, ужъ они стали глядѣть, смѣючись да улыбаючись, на весь бѣлый свѣтъ; обнимаются и цѣлуются, ради пресвѣтлаго праздника, то вдвоемъ, промежъ собой, то съ другими парнями, то съ бабами и дѣвками. Такъ прошелъ вечеръ, настала ночь, гульба кончилась, народъ разошелся по домамъ; кой–гдѣ по селу слышались только голоса отчаянныхъ, запоздалыхъ пѣсенниковъ.

Близнецы пришли домой, а какъ имъ не спалось, то сѣли рядомъ за воротами и стали говорить, по братски, обо всякой

всячинѣ. Слово за–словомъ, Кирила признается Гаврилѣ, что ему больно полюбилась Марфуша и тоскливо жить безъ нея — надо бы то да се, а пуще всего, что надо бы подарить ее чѣмъ нибудь, да отца и мать ея, чтобы ихъ задобрить — да нѣтъ денегъ, и негдѣ взять: отецъ не даетъ, и просить нельзя.

— Да вотъ, говоритъ Кирила, у меня есть одно такое дѣло на примѣтѣ, не знаю только, какъ приступиться къ нему, боязно какъ–то, хоть и самъ не знаю отчего: мѣщанинъ этотъ, какъ его?... вотъ, что ѣздитъ, да телятъ скупаетъ, такъ онъ давно сулитъ мнѣ много денегъ задаромъ; я ужъ намеднись хотѣлъ поговорить тебѣ — что-то боюсь, страшно!

— Какъ такъ, спросилъ Гаврило, какъ задаромъ?

— Да онъ, видишь, вонъ что говоритъ: достань, говоритъ, сотенку мелкими бумажками, хоть, пожалуй, полсотни, а я отдамъ тебѣ говоритъ тутъ же пять сотъ, — вотъ что — а за пятьдесятъ, отдамъ двѣ сотни промѣну.

— Что за притча эта — неужто–жъ онъ нигдѣ не размѣняетъ, что эдакой промѣнъ платитъ?

— Кто его знаетъ! то–то я вишь и побаиваюсь, чтобъ не было худа; а онъ говоритъ, что ничего не будетъ, и божится.

— Такъ за–сто рублевъ пять–сотъ сулитъ? Это стало быть, братецъ, по пяти рублей на рубль! Эка подумаешь! Что за худо — авось ничего не будетъ, Кирюша, ась? Чему–жъ тутъ быть–то — вѣдь мы не воры какіе, не украли, что размѣняли; а для чего онъ мѣняетъ — Господь его знаетъ, это его дѣло. Послушай, парень, бери!

— Да какъ–же взять, отвѣчалъ Кирила, вѣдь не такъ взять, а размѣнять; такъ гдѣ же мы на промѣнъ–то достанемъ?

— Эка, голова, сказалъ Гаврила, это мое дѣло; вотъ что, слушай: у отца моего есть деньги и знаю я, гдѣ они лежатъ: за сотню отвѣчаю; бери у кулака пятьсотъ; сто положимъ изъ нихъ на перемѣну, а отцовскіе сто отдадимъ кулаку, — а четыреста, гдѣ будутъ, ась? Наши!

— Ладно; да только отецъ твой развѣ не

спохватится, коли у него мелкими бумажками положено было, а найдетъ одну сотенную?

— Ничего, братъ Кирюша, смолчитъ; ей–Богу смолчитъ; что ему? благо деньги цѣлы! а вѣдь онъ держитъ ихъ тайкомъ ото–всѣхъ, такъ онъ никому не захочетъ говорить про это дѣло, — смолчитъ!

Теперь надо сказать, какія деньги кулакъ сулилъ Кирилѣ. Въ тѣ поры появился гдѣ–то монетчикъ, который поддѣлывалъ Государевы асигнаціи и спускалъ ихъ, гдѣ приходилось, особенно плотникамъ и другимъ мастеровымъ, которые приходили изъ разныхъ мѣстъ на работу, а послѣ Покрова уходили домой. Онъ заманивалъ ихъ къ себѣ, подпаивалъ, а тамъ и уговоритъ промѣнять ему заработныя деньги, отдавая имъ по пяти рублей за рубль. Вотъ мужички и привезли домой много денегъ, да и сами стали побаиваться, не зная какъ бы ихъ спустить; въ городѣ, въ лавкахъ, на рынкѣ, вездѣ ужъ стали подмѣчать, не окажет ли кто поддѣльную асигнацію, потому что начальство ужъ

начало добираться. Кто жилъ на сторонѣ, по 300 рублей за лѣто, глядишь, воротился на зиму домой, да за всѣми расходами принесъ больше тысячи. Люди дивуются, отколѣ такое счастіе берется? Анъ тутъ вонъ что кроется, что мѣняютъ заработныя деньги на фальшивыя и думаютъ, что богаты стали. Одолѣла ихъ дурь, просто глупость мужицкая, да подбила корысть; авось да небось и завели ихъ въ такое дѣло, которое погубитъ всякаго, кто съ нимъ свяжется.

Близнецы наши потолковали, разсудили, что ничего, можно; взяли у кулака деньги, подмѣнили у отца Гаврилы и вдругъ оба парня стали съ деньгами. Дѣло не бывалое, новое; у нихъ и рубля прогульнаго въ рукахъ не бывало, а тутъ вдругъ сотни! Пошли гулять близнецы, встрѣчнаго и поперечнаго потчивать и угощать; а дѣвокъ задарили платочками да ниточками, ѣшь–нехочу!

Еслибъ и эта первая попытка сошла съ рукъ близнецамъ, они бы все равно попались на другой: кто за худымъ дѣломъ

пойдетъ, худое найдетъ, однимъ худомъ не покончитъ, а пойдетъ за другимъ и третьимъ. Ну, въ самое это время, когда Кирила съ Гаврилой утѣшали другъ друга тѣмъ, что вотъ–де, видишь ли: чего мы боялись? Все сошло съ рукъ благополучно; никто и усомъ не ведетъ! Въ самое это время, гроза на нихъ уже собиралась и вскорѣ часъ ихъ насталъ.

Отцу Гаврилы понадобились деньги; пошелъ онъ въ кубышку свою, — у него было и ноги подкосились, когда ему показалось, что деньги не всѣ; сталъ считать — и ума не приложитъ, словно въ туманѣ: счетомъ деньги всѣ, да только не тѣ, что были, а одна только сотенная асигнація, вмѣсто мелкихъ. Не зналъ старикъ, что и подумать про такое диво, кто къ нему ходитъ деньги мѣнять, но, подумавъ, онъ смолчалъ, убоясь слѣдствія да разбирательства; все равно, говоритъ, благо деньги цѣлы, на мое счастье такой воръ случился что не воруетъ, а только мѣняетъ.... и промолчалъ, взялъ деньги и пошелъ съ ними въ городъ.

А въ городѣ того и стерегли: взяли старика и засадили. Онъ говоритъ: Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю; а тамъ говорятъ: Нѣтъ врешь, не то поешь. Взяли и засадили также всѣхъ домашнихъ его, и хозяйку, и самаго Гаврилу. Тутъ узнали, что молодые два парня, близнецы, на Святой, мотали безъ счету, — принялись и за Кирилу. Какъ ни жаться, а въ правдѣ признаться; все вышло наружу. Сколько ни плакались близнецы наши, сколько ни запирались, а тамъ сговаривали себя, выдавъ кулака, только болѣе путались, и судъ ихъ повинилъ кругомъ. И за что же они еще впутали въ такое дѣло и разорили въ разоръ роднаго отца Гаврилы, честнаго старика, который трудомъ и потомъ сбилъ копейку и теперь самъ было пропалъ съ ними и вѣкъ плакалъ по сынѣ, сосланномъ въ Сибирь?

Вотъ до чего доводитъ авось да небось. Близнецы наши были ребята не такіе, чтобы все одно худое у нихъ на умѣ было; объ нихъ до поры никто худаго не зналъ, а люди говорили, что они парни добрые; анъ

вотъ корысть подбила ихъ — и то на погулку, на подарочки дѣвкамъ, — а ума на грѣхъ и не стало, разсудить какой этому всему будетъ конецъ. Гдѣ авось да небось — тамъ все дѣло хоть брось.